

УДК 27-18:321.152

**ПАПОЦЕЗАРИЗМ И ЦЕЗАРОПАПИЗМ
КАК МЕХАНИЗМЫ ДЕЙСТВИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ТЕОКРАТИИ**

Н.Р. Хан

Рассматриваются способы существования христианских теократических схем в их сравнении.

Ключевые слова: папоцезаризм; цезаропапизм; христианская теократия.

**PAPOCAESARISM AND CAESAROPAPISM
AS MECHANISMS OF ACTION CHRISTIAN THEOCRACY**

N.R. Khan

The article discusses ways of being Christian theocratic schemes in their comparison.

Keywords: papocaesarism; caesaropapism; Christian theocracy.

Проблема действия механизмов теократии разрешается путем создания схем взаимодействия внутри каждого типа правления. Так как в ходе исследования заявлены определенные механизмы теократического правления, предполагающие исследование средневековой теократии, то нормативно-правовую базу исследования будут составлять законодательные акты императоров, решения соборов и исследования современных авторов.

Исторический переход от римской императорской идеи к византийской государственности сопровождался привнесением идеократического элемента в концепцию верховной власти, которая, по своей сути, является только принципом организации государства и не выполняет каких-либо иных функций. Византийская идея двух неразрывных властей, выполнившая свою социально-политическую функцию, приобрела очертания двух концепций. Первая заключается в схоластической максиме “Папа, который может называться церковью”, вторая – в знаменитом, хотя и апокрифическом высказывании Людовика XIV – “Государство – это я” [1]. Первая концепция была унаследована Римской католической церковью, вторая была выражена в европейской модели абсолютизма и российской властной концепции.

В энциклопедических источниках механизмы действия христианской теократии выражены в двух формулировках: “папоцезаризм (папезаризм)”

и “цезаропапизм (цезарепапизм)”. Помимо того существует термин “иерократия”, упоминающийся как синоним папоцезаризма. “Цезарепапизм – соединение в одном лице власти в государстве и в Церкви. Термин был изобретен в XIX в. немецким историком Й. Хергенретером для характеристики политической системы Византии, но впоследствии приобрел расширительное значение. Система цезарепапизма впервые получила осуществление в Византии при Феодосии II. Аналогичные отношения возникли после Реформации в протестантских странах, где государи присвоили себе власть высших епископов (*summus episcopus*). Некоторые историки усматривают нечто подобное в отношениях между монархом и Православной церковью, установившихся в России со времени уничтожения патриаршей власти. Иногда цезарепапизму противопоставляют западную модель – папоцезаризм” [2]. Социально-философский анализ форм теократического правления в философском аспекте понимания формы позволяет соотнести цезаропапизм и папоцезаризм как разновидности форм теократического правления.

В двух описанных моделях религиозно-политической организации власти – папоцезаризме и цезаропапизме – в процессе становления произошла замена теоцентрического принципа правления на христоцентрический. Как верно замечает Э.Х. Канторович, “после пришествия Христа во

плоти и после его вознесения и прославления как Царя Славы, земная царская власть вполне последовательно претерпела изменение и приобрела свою собственную функцию в общем деле спасения. После заключения Нового Завета цари должны представлять уже не как “провозвестники” Христа, а скорее как его “тени”, подражатели Христу. Христианский правитель стал *christomimētēs* – буквально “актером”, играющим Христа, или же его “воплотителем”, – представлявшим собой на уровне земного мира двухприродного Бога – даже при том, что эти природы в нем неслиянны” [1, с. 46].

Эволюция властных концепций показывает механизмы, путем которых удерживалось господство и осуществлялась власть королей и пап. Догмат о непогрешимости папы и признание святости короны – основные идеологические концепции, на которых строились властные конструкции, тесно переплетенные между собой. При этом взаимоотношения между государством и церковью приводят к образованию “гибридов” в обеих областях. Происходит смешение политической символики и взаимное заимствование знаков могущества и власти: “Папа украшает свою тиару золотой короной, облачается в императорский пурпур, посылает впереди своей процессии имперские стяги. У императора появляется митра на короне, он надевает папские башмаки и другие церковные одежды и во время коронации получает, как и епископ, кольцо. В XIII в. этот взаимный обмен символами переносится с персон на коллективные общности. Иерархи Римской католической церкви стремятся сделать ее совершенным прототипом абсолютной монархии, базирующейся на мистической основе, в то время как государство все более становится квазицерковью и мистической корпорацией на рациональной основе” [1, с. 182].

В основе складывающихся властных концепций лежат христологические споры. Споры относительно личности Христа, начавшиеся еще при зарождении христианства и послужившие расколу церкви, отразились и на фигуре Папы Римского, и на положении королей. Количество природ Христа, обладание им единой волей, принадлежность его человеческому и божественному – все эти аспекты присущи фигурам короля и папы. В V в. возникает учение о “двух мечях”, согласно которому Христос является обладателем духовного и светского мечей, один из которых он вручает церкви, другой – государю. Императоры и короли не ограничивались только светским мечом и стремились завладеть духовным, равно как и иерархи церкви изъывляли претензии также и на меч свет-

ский. Такая неразделенность “мечей” приводила к конфликтам между светской и духовной властями, победу одерживали попеременно, трактуя учение о соотношении “мечей” в свою пользу. В то же время церковь и государство не могли существовать друг без друга. Церковь нуждалась в поддержке государей, обеспечивающих ее земель, адептами и материальными благами, а светские государи нуждались в поддержке церкви, ее благословении и легитимации своего правления. В источнике власти папства лежит идея о верховенстве апостола Павла, наследниками которого являлись понтифики.

В средневековой политической теологии возникла идея о “*persona mixta*” – “смешанном лице”, в котором сочетаются разные свойства и составляющие. “Сочетание двух кажущихся разнохарактерными сфер обладало особой притягательностью в век, жаждавший примирить дуализм того и этого света, преходящего и вечного, светского и духовного” [1, с. 42]. Использование идеи “*persona mixta*” в политико-религиозной сфере было представлено главным образом епископом и королем, и такое смешение подразумевало сочетание духовных власти и компетенции со светскими – объединенными в одном лице. Как папа, так и король представляли в качестве “*persona mixta*”, поскольку им приписывалась духовная власть, приобретаемая в результате посвящения и помазания.

“Правда, папское учение, в конечном счете, отказало королю в статусе духовного лица, сведя его к незначительным почетным титулам и функциям” [1, с. 44]. При этом королевская власть обладала спиритуальной сущностью, уподобляемой Христу. Фигуры короля и папы имели статус “помазанников во времени”, в отличие от Христа – “помазанника в вечности”. “Христос был Царем и Помазанником по самой своей природе, тогда как его представитель на земле был царем и христом только по благодати. Ведь св. Дух “нисходит” на земного царя в момент помазания, делает его “другим человеком” (*alius vir*) и преобразует его в потоке Времени, тогда как тот же св. Дух от Вечности пребывал единым с Царем Славы и пребудет с ним во всей Вечности” [1, с. 46]. Иначе говоря, царское богоподобие приобретено силой благодати лишь на время, в то время как небесный Царь является Богом по самой своей природе навечно.

“Противопоставление природы и благодати повсеместно использовалось для указания не только на то, что ущербность человеческой природы была восполнена благодатью, но и на то, что благодать сделала человека сопричастным самой божественной природе. В этом последнем смысле

антитеза природы и благодати стала, по сути дела, двигателем раннехристианского “обожения” человека вообще, а не только освященных и помазанных правителей” [1, с. 46]. По мнению Э.Х. Канторовича, размышления и о дупольности, и о потенциальном единстве природы и благодати одновременно привели к концепции царя, воплощающего Христа как “удвоенного” существа: “Он – помазанник по благодати – подобен в своем качестве *gemina persona* Христа, обладающего двумя природами. Это и есть средневековая идея христоцентричной королевской власти” [1, с. 48]. Здесь король – двойное существо, человеческое и божественное, точно так же, как и Христос, хотя король двухприроден и удвоен только по благодати и во времени, а не по природе и в вечности: земной король не является, а становится удвоенным существом в результате своего помазания и посвящения.

Латинское выражение “*gemina persona*” представляет собой термин, заимствованный из христологических споров и тесно связанный с ними, хотя именно этот термин редко применялся по отношению к самому Иисусу Христу. Согласно ортодоксальному вероучению, Христос есть “*una persona, duae naturae*” – “одно лицо, две природы”. “Выражения “двойное лицо”, следовательно, нужно было избегать как догматически небезопасного; оно было так же точно плохо, как и “два лица”, поскольку не исключало несторианской или адопцианистской интерпретации” [1, с. 48]. То же самое произошло с фигурой римского понтифика, сущность которого разделена на должность и личность папы. Так же, как и король, он имеет “политическое тело” и “тело природное”, что позволяет ему быть безгрешным в своей должности [3] и грешить, как обычный человек. Следует различать “безгрешность (*impressibilitas*)” Бога, который не может согрешить по природе, и непогрешимость спасенных, которые уже не могут согрешить в силу разлучения души с телом, а также в силу обожения. Кроме того, отдельно следует говорить о “безошибочности”, или “непогрешимости (*infallibilitas*)”, относящейся к понтификам.

Символическим обозначением святости понтифика и короля являются их головные уборы. Корона и тиара являются символами нимба, отмечающего безвременность и святость должности его носителя. Нимб означает изменение природы времени – переход из временного состояния в вечное. “...Персона с нимбом, или, скорее, персона в силу своего нимба, в силу своего *ordo* – статуса – “никогда не умирает”. Нимб далее означал, что его конкретный носитель является представителем какого-то более общего “прототипа”, чего-то

неизменного посреди изменчивого земного времени, а также что в единении и связи с этим конкретным человеком состоит определенный образ власти, идущий из той бесконечной протяженности, которую в средние века стали называть *aevum*” [1, с. 79].

Для придания королю образа Христа в средневековье широко использовалась схоластическая философия. Возвеличивание короля осуществлялось через почетные титулы “Образ Христа” и “Викарий Христа”. Первый титул определял его бытие, а второй – подчеркивал его функции и деяния. «Ни один из этих титулов сам по себе не указывал на принцип “двух природ” и не подчеркивал “физиологического” сходства правителя и Богочеловека. Но пока преобладали эти титулы, связывавшие правителя с Христом, король мог, по крайней мере, потенциально, представлять в качестве *gemina persona* – двуединой личности, – отражавшей две природы человеко-божественного прототипа всех земных государей. Однако даже чисто потенциальная связь короля с двумя природами Христа стала исчезать, когда свойственные Высокому Средневековью титулы “*rex imago Christi*” и “*rex vicarius Christi*” стали использоваться все меньше, уступая место формулам “*rex imago Dei*” и “*rex vicarius Dei*”» [4].

Последующее разрушение христоцентрического образа королевской власти, потребовало много времени и титулы потеряли свое первоначальное значение в борьбе за инвеституру. Сама эта борьба сыграла здесь немаловажную роль, с одной стороны, лишив светскую власть ее духовного авторитета, церковных полномочий и включенности в литургию, а с другой, – придав духовной власти императорские черты. Однако развитие в XII в. догматического богословия по вопросу об определении реального присутствия Христа в причастии, помимо прочего, заново привлекло внимание к старой идее о присутствии Христа в персоне замещающего его священника, когда тот совершает мессу. Теперь только папа имеет право называть себя викарием Христа. Папский титул “*vicarius Christi*” впервые появляется официально в декреталиях Иннокентия III и используется в своде канонического права, а не только в обычном языке. С XII в. и по настоящее время данный титул толковался исключительно применительно к Папе Римскому.

Такая трактовка титула “*vicarius Christi*” принадлежала декреталистам, теологам и философам-схоластам. Напротив, мыслителям-цивилям, основывавшимся на римском праве свойственно именовать императора “*deus in terris*”, “*deus terrenus*”

или “*deus praesens*” [5]. “Основываясь на своих источниках, они, вероятно, воспринимали как должное то, что государь является прежде всего заместителем Бога. Поэтому-то среди языковых средств, применяемых ими для императорских титулов, совершенно отсутствует выражение *vicarius Christi*” [1, с. 86]. Изменения в образе короля происходили постепенно: от раннесредневековой литургической идеи королевской власти к позднесредневековому представлению о божественном праве монарха. “Образ короля-посредника, хотя и странным образом секуляризованный, все еще существовал, а идея царского священства была внедрена в самое право. Ранние онтологические оттенки королевского христомимезиса, присущие теории о двуединстве фигуры монарха (*gemina persona*), возможно, несколько потускнели, но в функциональном плане идеал удвоенного, наподобие близнецов, государя еще оставался в силе. Это проявлялось в новом отношении короля к Закону и Правосудию, которое заняло место его былой особой причастности к Таинству и Алтарю” [1, с. 88].

Таким образом, средствами теологических дефиниций, используемых для определения королевской власти, происходило сращивание идеи короля и права. Подобно концепции Христа король выступает как персонa, имеющая две природы, одна из которых смертна, другая же находится вне времени и безгрешна в силу своей божественной природы. Становление цезаропапизма происходило стараниями юристов и теологов, разрабатывавших концепцию “Священной империи”, в то время как папоцезаризм подкреплялся концепцией “мистического тела Христа” – становлением Церкви. Следует отметить, что концепция “мистического тела Христа” была трансформирована в концепцию “мистического тела Церкви” в интересах папской власти. Можно сказать, что духовный “*corpus mysticum*” и светская “*sacrum imperium*” возникли одновременно – около середины XII в. В процессе борьбы за инвеституру вышеназванные концепции противопоставлялись друг другу: “*sacrum imperium*” стремилось к теологическому обоснованию, в то время как “*corpus mysticum*” приобретало юридические коннотации.

Теократия легализовала свое положение в государстве, опираясь на правовые акты и Конституцию как основной закон государства. Тем самым политическая терминология первых веков христианства приспособилась к нуждам церкви, а в дальнейшем для поддержания господства королей и пап ей служили политическая философия и теология. Весьма интересной здесь представляется концепция метафорического брака короля

с его королевством, папы с его Церковью. Средневековые короли получали при коронации наряду с другими символами и инсигниями кольцо, обозначающее его брак с государством. “Церковные писатели, однако, осторожно указывали, что такое кольцо передавалось лишь как *signaculum fidei* – символ верности – и отличали его от епископского кольца, при помощи которого епископ при рукоположении становился *sponsus* – женихом и супругом своей церкви, в брак с которой он вступал...” [1, с. 187]. Все материальные ценности толковались как приданое невесты, которыми муж получает право только *пользоваться*, но не отчуждать их.

В дальнейшем цезаропапизм получил развитие в трех европейских государствах: Франции, Англии и Германии. Абсолютизм в Германии не достиг государственного уровня, ограничившись отдельными княжествами. В Англии же власть короля не была абсолютной в силу наличия парламента: король являлся только главой “мистического тела государства”, в то время как в роли остальных частей тела выступали парламент и знать. “Перед закрытием парламента в 1401 г. спикер Палаты Общин счел уместным сравнить политическое тело королевства с Троицей: король, духовные и светские лорды и общины вместе составляют троицу в единстве и единство в троице. По тому же поводу спикер сравнил парламентские процедуры с отправлением мессы: чтение одного из Апостольских Посланий и изложение Библии при открытии парламента напоминало начальные молитвы и церемонии, предшествующие литургии; обещание короля защищать церковь и соблюдать законы сравнивалось с жертвоприношением во время мессы; наконец, закрытие заседаний парламента имело своей аналогией отпуст (*Ite, missa est*) и благодарственную молитву (*Deo gratias*), которыми заканчивалась литургия” [1, с. 211]. Также следует отметить акт о Супрематии, благодаря которому, король стал “папой в своем королевстве” [6].

Английский абсолютизм носит на себе следы политики Рима, французский же является абсолютизмом в полном смысле слова и отождествляет понятие “мистическое тело государства” исключительно с королем. В дальнейшем в политической мысли средневековой Франции развилась концепция “*patria* – родина”, тесно связанная с понятием “Корона”: “Корона королевства является общей *patria*” [1, с. 312]. Таким способом укреплялась власть короля, и объяснялись некоторые экстраординарные меры по сохранению могущества. Понятие “Корона” противопоставлялось физическому телу короля. Соединение Короны и человека создавало метафизику и политичность “двух тел

короля”. Корона вечна, нефизична и выше всякого физического царства, а также династична в передаче власти и сращена с понятием “политическое тело”.

Следует отметить, что с концепцией “*patria*” началось построение нации, в чем Франция преуспевала очевидно. Понятие “Корона” оказалось противопоставлено понятию “король” и поставлено над ним. “Корона – это не король, или, по крайней мере, – не только король. Она представляет собой нечто, что затрагивает всех и поэтому является “публичным” – притом не менее публичным, чем воды, дороги или *fiscus*. Она служит общей пользе и поэтому выше как короля, так и духовных и светских лордов, а также общин...” [1, с. 329]. В Англии существовало понятие “Корона”, но такого значения, как во Франции, оно не получило. В позднем средневековье проблема правовой тирании перестала быть такой актуальной, уступив место выработке полурелигиозного законодательства и стремясь к изгнанию религиозных компонентов из кодекса вообще.

Таким образом, рассмотренные выше фигуры короля и папы, ввиду их двойственности, в средневековой Европе имели отражение и на механизмах осуществления власти. Тесная связь фигур короля и папы с фигурой Христа подчеркивает двойственность власти (двойственность человека и Бога) и отражает ее теологическую апологетику. Концепция двойственности фигуры правителя является

наследием христианской теологической мысли и является важнейшей идеей в развитии христианской политической теологии. Античная идея деификации правителя, обогащенная христоцентрическим восприятием христианского средневекового мира, легла в основу форм теократического правления, проявившись в двух его разновидностях: цезаропапизме и папоцезаризме. Дальнейшее же развитие данных идеократических концепций оказало огромное влияние на ход истории, политику и культуру.

Литература и примечания

1. Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Э.Х. Канторович. М., 2005.
2. Цезарепапизм // Энциклопедический религиозно-философский словарь РХГА. [http://summa.rhga.ru/vseob/cat/detail.php?rraz=&ELEMENT_ID=6098 (Дата обращения 01.06.2015)].
3. Догмат о непогрешимости папы, принятый 18 июля 1870 г. на Первом Ватиканском соборе.
4. “Царь – образ Христа”, “Царь – викарий Христа”, “Царь – образ Бога”, “Царь – викарий Бога” – лат.
5. “Бог на земле” – лат.
6. Два парламентских акта (1534 и 1559 гг.), закрепившие разрыв англиканской церкви с католической в ходе Реформации и передавшие монарху верховные полномочия в англиканской церкви.